

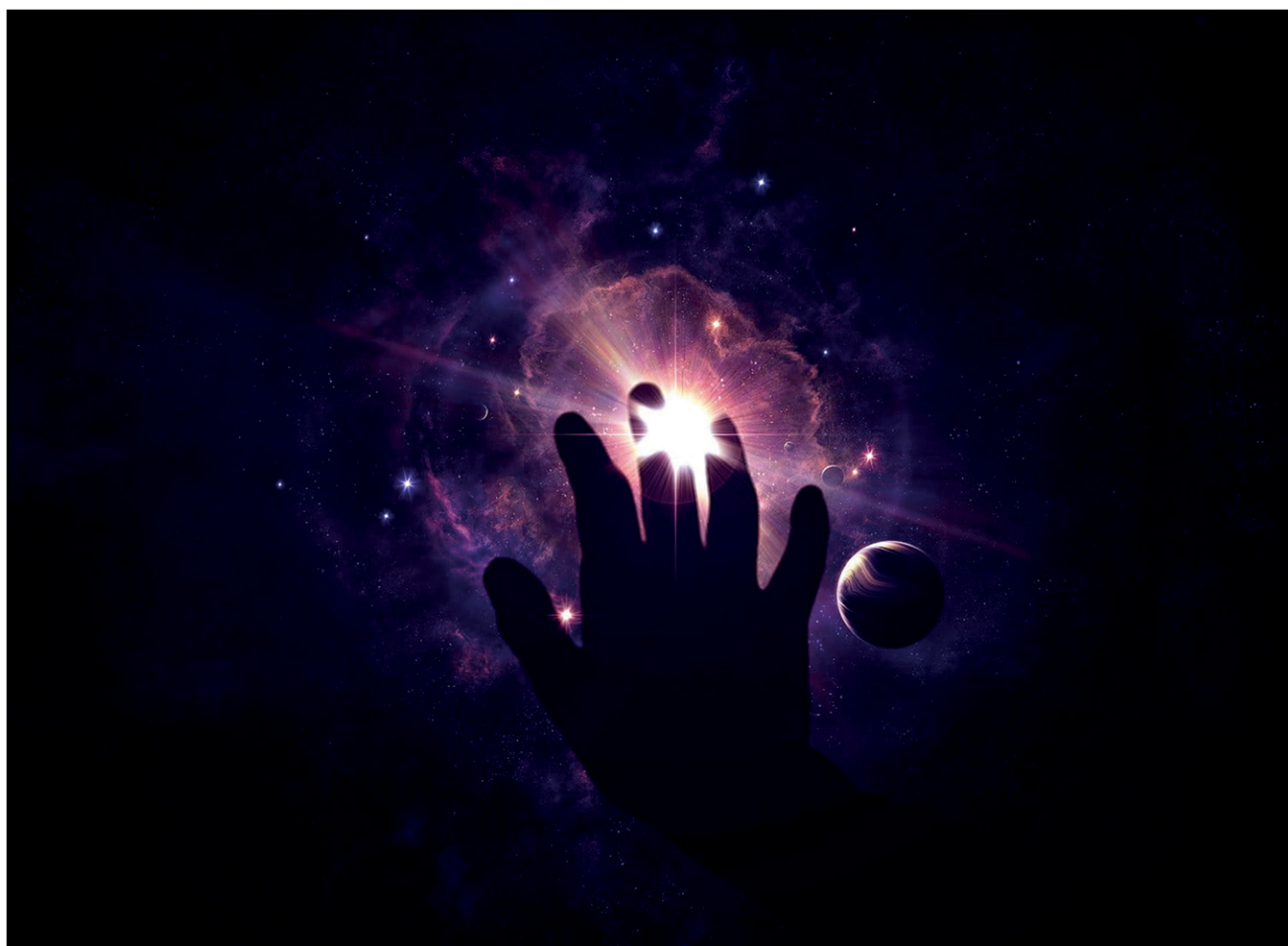
II ЗА ГОРИЗОНТАМИ СОБЫТИЙ

всё, что касается формирования новых тенденций, оснований, изменения нормативно-ценностных представлений, правил, принципов, содержание исторических процессов в их значении для макросоциальных трансформаций. Вопросы экологической перспективы и социального будущего

ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЙ МИР:

*неопределенные ответы на
определенные вопросы*

Виктор Щербина

доктор социологических наук, профессор, эксперт SG SOFIA

Современный мир переживает переход к новому уровню разделения труда – прежние формы организации производства, обмена, распределения и потребления исчерпали свой исторический потенциал, они не позволяют развивать новые возможности, жизнеобеспечения которыми располагают народы мира. В кризисе миропорядка, начавшегося с конца 10-х годов, разрушаются институциональные основания того миропорядка, который был сформирован по результатам формирования больших индустриальных систем XX века. Это переход исторического масштаба и характера, его движущей силой становится новое поколение, сформированное уже в условиях, когда противостояние систем было завершено полным господством одной из них. Институциональные элементы «социалистического мира» оставались основой массового поведения более двух десятилетий в «постсоветских» странах, образовавшихся в пространстве бывшего СССР. Политические события 2014-19г.г. разрушили остатки организационных основ постсоциалистических институтов и страны вступили в период перехода к жизни на основе новых, еще не до конца сформированных политических, экономических и социокультурных оснований, носителями которых выступает новое поколение 30-40-летних. Пандемия коронавируса стала фактором, который обострил восприятие этого перехода, обозначил его наиболее болезненные проблемы.

Начальной фазой новой трансформации становится демонтаж тех политических и организационных оснований, которые на предыдущем этапе развивались и укреплялись как необходимые для развития прежних форм хозяйственной жизни. Мир заговорил о «завершении глобальности» - поскольку все транснациональные экономические и политические институты стали

предметом отрицания, что создало запрос на иное, чем прежде, понимание происходящего и выработку практических оснований нового горизонта ближайшего будущего.

Возник целый спектр мнений и дискуссий о контурах результатов воздействия пандемии на мир, в котором мы живем. Бывший первый заместитель госсекретаря США, а ныне президент «Фонда Карнеги за международный мир» (Carnegie Endowment for International Peace) Уильям Дж. Бёрнс опубликовал статью, в которой анализирует возможные последствия пандемии коронавируса, где он приходит к следующим выводам: «Либеральный миропорядок станет менее либеральным и менее упорядоченным. После самого тяжелого экономического спада со времен Великой депрессии передвижение людей и грузов через границы станет менее свободным. Общее для всех ощущение уязвимости обострит борьбу мировых держав за влияние, усилит региональные перекося и гуманитарные кризисы там, где и так бушуют конфликты и страдают беженцы.

Новые технологии укрепят авторитарные режимы и создадут новые сложности для демократий. Международные институты пошатнутся, ослабев от соперничества крупных держав и дефицита ресурсов, отчего человечеству станет еще сложнее скоординировать общий ответ на другие мировые проблемы, самая грозная из которых - изменение климата.» (1.) В интервью журналу «Международная жизнь» заместитель министра иностранных дел Российской Федерации Сергей Рябков заявил, что мир сейчас находится на развилке путей дальнейшего развития. «(...) пойдет ли он после пандемии дальше по пути глобализации или же повернется в направлении регионализации, восстановления национальных сувере-

нитетов в разных областях? Это один из ключевых вопросов. Второй, не менее существенный вопрос: какова цена происходящего для мирового хозяйства и экономик отдельных государств и их групп? Абсолютизация санитарных норм, жесткая «диктатура врачей» не слишком ли дорого обходятся мировой экономике? Не будут ли чрезмерными потери, особенно ущерб для бедных, говоря обобщенно, в разных странах мира, для тех обездоленных, у кого нет своих «подушек безопасности»? Третий вопрос, (...) это то, как соотносится нынешняя практика правительств и крупных компаний по электронной слежке за деятельностью людей с правозащитными нормами и принципами. Как «антикоронавирусная цифровизация» соотносится с тем, что западное сообщество традиционно преподносило в качестве незыблемой основы существования цивилизации, - основными свободами и правами человека? Думаю, что убедительных ответов на эти вопросы нет ни у правительств, ни у экспертов. Человечество выйдет из пандемии другим, по крайней мере, ментально преобразенным. Дай Бог, чтобы экономические последствия оказались быстро преодолимы и период выхода из надвигающейся, уже неминуемой рецессии был относительно коротким» (2.)

Чрезмерный оптимизм в восприятии глобализации конца XX века был оправдан с точки зрения разрешения проблем периода «Холодной войны», но по этой же причине не давал возможности сосредоточить внимание на связанных с глобализацией новых диспропорциях и проблемах. Системные проблемы привели к мировому финансовому кризису, который поляризовал общества в конце 2010-х годов, что вылилось в открытые процессы системной ломки миропорядка на всех его уровнях. (Одним из моментов этой ломки ста-

ла «революция достоинства» в Украине.)

Пандемия коронавируса обозначила начало перехода к новому миру, в котором страны будут жить на основе тех результатов трансформаций, которые были достигнуты в период трансформаций после «Холодной войны», после глобального противостояния различных социально-политических систем, в период «однополярного мира». В момент своего начала пандемия воспринимается как временное нарушение обычного «кризисного» порядка отношений, к которому предстоит вскоре вернуться. Подобные ожидания характерны и сегодня для массового сознания и они вполне естественны. Но по мере истекания времени и событий все сильнее нарастает ощущение и осознание необратимости каких-то не вполне понятных пока процессов мирового масштаба, затрагивающих самые, казалось бы, локальные основы жизни людей и обществ.

Не вполне ясна природа как самого вируса, так и те последствия, которые он уже вызвал для мирового сообщества. В стратегическую политико-экономическую неопределенность входят все крупнейшие государства мира. В самых, как представлялось, стабильных и сильных сообществах - экономически и военно-политически (США), социокультурно (ЕС) и социально-экономически (Китай), наметились процессы катастрофической перестройки, вызванной существующими как беспрецедентными диспропорциями в мировой экономике, так и мировой политике.

При объеме глобального ВВП в примерно 80 триллионов долларов, объем финансовых инструментов составляет почти 1000 триллионов долларов - разница на порядок показывает, что эти инструменты уже давно не имеют прямого отношения к реальному сектору экономик стран мира. Ме-

ханизмы, которые позволяли бороться до последнего времени с кризисами внутри такого миропорядка, перестают работать.

С политической точки зрения влияние таких экономически сильных стран, как Китай на глобальные процессы и институты, их регулирующие, также непропорционально, что уже длительное время порождает ряд угроз экономического, политического и военного характера.

Пандемия стала катализатором нарушения становившихся всё более хрупкими процедур установления равновесия между созданными за последние три десятилетия глобальными структурами производства и распределения.

Это отражается на формате отношений уже не только в хозяйственной, но уже и в политической, а также социокультурной сферах. Принцип «минимальной стабильности», бывший инструментом удержания постколониального влияния на процессы в странах мировой периферии и полупериферии, утрачивает свой инструментальный статус. Формулы восстановления этих процедур еще нет – в публичном пространстве раздаются призывы к её выработке, к проведению «новой Ялты» по созданию формулы глобального переустройства, но пока этого не произошло, практические политики ведущих держав остаются прежними. Частные проблемы элит, формирующие их подходы к общемировым процессам, удерживают эти процессы в хаотичном и неопределенном состоянии.

То, что было инструментом влияния «стран ядра» становится их внутренней проблемой и характерной чертой, оказывая новое влияние на «остальной» мир, заставляя искать новые основания для вхождения в следующий цикл развития. Влияние гегемонов на периферию обернулось обратным дестабилизирующим

влиянием периферии на «ядро» и вынуждает страны последнего закрываться в поисках ответа на растущие вызовы.

Масштаб и характер экономической, политической и технологической взаимозависимости, возникшей на предыдущем этапе глобализации, делает этот процесс с точки зрения средств крайне болезненным, а с точки зрения результатов и невозможным. Соблазн вернуться в «век наций» выражает лишь шок от происходящего. Разрыв технологических цепочек, логистики, закрытие рынков, ограничение свобод передвижения капитала, рабочей силы и услуг уже вызвали до конца еще не понимаемый по своим масштабам удар. Период индустриальной глобализации заканчивается и возникает вызов общего ближайшего будущего, обозначенный рядом проблем более широкого плана, чем экономические проблемы. Эти новые проблемы предстоит решать уже сегодня. Рассмотрим некоторые из них.

1. Перспектива новой глобальности.

Среди наиболее обсуждаемых - проблема исторической судьбы самой глобализации. Удастся ли перезапустить её на новом основании «платформенного», «облачного» капитализма? Или же перспективы «облачности» предполагают более глубокие общественные трансформации, чем простая смена технологического уклада? Возможен ли глубокий исторический регресс и эпоха «темных веков»?

Нынешнее санитарное огораживание, перерастающее в огораживание политическое, говорит о том, что десятилетиями перевозносимые ценности «общего мира» и «взаимной ответственности» не имеют онтологического статуса - каждый стремится быть сам за себя. И эта тенденция

к само-бытности, само-достаточности, порождает свои крайности. Представления о возможности возврата к прежнему миру «буржуазных наций-государств» а в отдельных странах и миру «феодальных родоплеменных союзов» стало выраженным идеологическим явлением, популистским инструментом власти, действенным в момент возникшей неопределенности. Но и только.

Глобальная финансовая система продолжает работать, никуда не ушли социальные сети, демонтаж социального государства продолжается – хотя уже и вызывает все большие опасения. Никто не может точно сказать, к чему могут привести нынешние попытки формирования новой регионализации при сохранении критической экологической, технологической взаимосвязанности и взаимозависимости, в условиях роста рисков военной и социальной безопасности. Регионализация происходит лишь в тех сферах, где она не может не происходить, но далеко не стала общим решением в сфере практических решений.

Взращенные как инструмент геополитического разрушения больших индустриальных систем XX века, этнонационалисты порой с чрезвычайным оптимизмом участвуют в дискуссиях на тему наступления «нового средневековья», а также о наступающей феодализации. Из существования политического спроса на подобные представления о будущем делается обычный для таких времен вывод о его реальной осуществимости. Якобы человечество ожидает мир «Игры престолов» - эпоха беспредела, закрытых феодалов с панами и холопами, господства во всех сферах общественной жизни феодальной культуры. Тут и главенствующая роль церкви в государственной жизни, и сусальная простота народной жизни на основе архаи-

ческих ценностей, и ненависть к чужакам и сословное право. Нечто похожее мир переживал в начале XX века, когда мыслители описывали перспективу будущего «свинцового мрака». Но на практике тогда были выработаны более совершенные механизмы контроля и управления, возникли прогрессивные ценности прав человека, произошло распространение принципов демократического устройства. С этой точки зрения «Новый феодализм» - это популярный политический тезис, но не более того, не более чем видимость, кажимость имеющихся трансформаций в фазе разрушения прежних укладов. Уже не говоря о том, что «феодализм» - это понятие из социальной философии, а реальные общества обозначаемые этим термином были очень разными.

Возвращение к феодализму исторически невозможно - та форма социальной организации предполагала соответствующий уровень технологического развития, количества и качества населения, соответствующий горизонт опыта и формы исторической памяти. И, главное, определенные геоэкономические и геополитические условия - в частности, отсутствие в мире национально-государственных форм общности. Фарш невозможно повернуть обратно - общество воспроизводит некоторые черты, но не собственно феодализм как принцип организации своей жизни. Влажные мечты недообразованных «неофеодалов», полагающих, что держат Бога за бороду на том основании, что имеют некоторые деньги и политическое влияние, так и останутся испарениями в их головах.

Возможно, что новая гиперглобализация на основе капитализма платформ даже предполагает такие «социальные одёжки» некоторых фрагментов мироустройства в отдельных сегментах мирового хозяй-

ства, а также культивацию соответствующих паттернов массового сознания. Но предполагает как не более чем декоративную форму - не нужно путать ряженных казачков с исторически существовавшими. Рассуждения о завершении глобализации, возврате феодализма и «темных веков» напоминают скорее бытовавший некогда анекдот о постоянно простужающемся Ельцине, - когда говорили, что «он еще простудится на Ваших похоронах».

Любые попытки выстроить феодальные отношения будут упираться в факт имеющегося мироустройства и миропорядка – созданный в XX веке мир требует нового, еще более свободного уровня передвижения капитала, рабочей силы и услуг. И пандемия обострила понимание как раз этой взаимозависимости - катализированный ею кризис, собственно, об этом.

Коронавирус, стартовав с крупного промышленного региона Китая (Ухань), где расположены офисы 500 международных компаний, показал на практике возникшую в конце XX века критическую зависимость развитых стран от глобальных производственных цепочек, центральным звеном которых стал Китай. «Мировая фабрика» за последние два десятилетия стала крупнейшим в мире экспортером промежуточных товаров, используемых для производства конечной продукции. На его долю приходится 1/3 этого мирового рынка, что намного превышает долю страны в большинстве потребительских секторов. В докладе, опубликованном Обществом Генри Джексона (3.), говорится что США, Великобритания, Новая Зеландия, Канада, Австралия критически зависят от Китая в отношении 831 отдельной категории импорта, из которых 260 элементов обслуживания критической национальной инфраструктуры. Только США стратегиче-

ски зависят от Китая в отношении 424 категорий товаров. 114 из них имеют приложения в критически важной национальной инфраструктуре. В ситуации нарастающего конфликта между США и КНР во многих странах мира началось перераспределение производственных цепочек с тем, чтобы избежать связанных с этим угроз, но никто и не думает о создании полных замкнутых циклов жизнеобеспечения народов во всем спектре их потребностей.

Способ хозяйствования, когда весь его процесс направлен на создание, извлечение и концентрацию прибавочной стоимости, распространенный силами транснациональных корпораций после крушения СССР на весь мир, дошел до пределов своего качественного экстенсивного роста. Он начал трансформироваться в новый, основанный на киберкоммуникативных технологиях, мир. Этот мир не может быть не глобальным по своей природе.

При этом не факт, что новая глобальность с её «оккупацией жизненного мира», с превращением в источник прибыли новых сторон человеческой активности, будет «лучше» или «гуманнее» в категориях представлений XX века - просто возникающие уклады новой глобальности будут присутствовать и доминировать во всех обществах. Даже сфера приватности разрушена и подконтрольна, производительными силами прибавочной стоимости становятся те стороны жизни человека, которые прежде не были задействованы – репутация, персональное внимание, чтение, межличностные коммуникации, семейная история и т.п. Отношения личной зависимости вассал-сюзерен недопустимы там, где массы поставлены в положение атомизированной продуктивной субстанции - прекариата.

Так или иначе, при всех актуальных разговорах о «закате глобализации»

и переходе к «новому национализму» в реальной международной жизни вместо формирования даже новых региональных блоков пока что можно наблюдать скорее намерение «переждать» пандемию и вернуться к прежним практикам международной жизни, найдя какие-то формулы договориться.

2. Проблема «центрального звена» государственной политики и перезапуск социального государства на новой основе.

Какая социальная группа способна взять на себя лидерские функции в развитии новой экономики? Как в этом случае должна выглядеть политика в отношении находящихся в упадке социальных институтов и занятого в них населения?

В момент пандемического кризиса выяснилось, что помочь всем своим гражданам не может ни одна страна мира. Возникла проблема установления приоритетов государства в отношении различных социальных групп из числа образующих их народов. Ответ на вопрос «кто Матери-Родине более ценен?» переходит в плоскость практической политики государств в условиях ограничивающихся ресурсов. Политические решения должны позволить сосредоточить ресурсы поддержки на наиболее важном с точки зрения следующего цикла развития направлении.

Какие социальные группы способны взять на себя лидерские функции в развитии экономики и общества, кто именно может стать ведущей силой в нынешней ситуации? Каким слоям общества необходимо отдать приоритет в оказании помощи, на кого государству делать ставку? В прежней глобальной экономике сформировались социальные группы с крайне противоречивыми интересами, конфликт между которыми лишь сглаживался остатками

социального государства. Но последнее по мере глобализации теряло ресурсы и влияние и уже фактически исчерпало их.

Реальность такова, что возврат к социальному государству становится все более актуальной целью, но все менее реально осуществимой практикой государственного управления. Кто и зачем будет строить социальное государство в нынешних условиях? И по объективным (состояние экономики) и по субъективным (характер элитных групп) причинам государства выполняют социальные функции не целенаправленно, а лишь в меру крайней необходимости.

Это явственно показала пандемия, обнажившая в большинстве стран отсутствие медицинских институтов, ориентированных не на получение прибыли, а на обеспечение здравоохранения образующих их народов. «Убыточные» по характеру вложения средств санитарно-эпидемиологические службы стали разворачивать лишь под воздействием возникшей угрозы, чреватой политической дестабилизацией. Но даже в этом случае просматриваются все более обоснованные подозрения в получении прибылей и сверхприбылей на «теме» пандемии. Так, в течение двух месяцев пандемии коронавируса миллиардеры США приумножили свое состояние на 15% - за период с 18 марта по 19 мая оно выросло суммарно на 434 млрд долларов, достигнув 3,382 трлн. (4.)

В современном мире, переживающем уже десятилетиями кризис теоретической мысли, нет определенного ответа на вопрос, кто же является носителем наиболее перспективных социально-экономических идей и каковы эти идеи. Поэтому определить «ведущее звено» достаточно проблематично. Идея «капитализма с человеческим лицом» дарующего «общество всеобщего благоденствия» исчерпала

себя и мир (во всяком случае «западно-ориентированный») достаточно давно живет в ситуации концептуальной неопределенности настоящего и будущего.

Идея строительства «хороших социальных институтов» при развитии радикально-рыночных оснований в экономике перестала выглядеть реалистичной, но, главное - соответствующей реальной практике ведущих стран мира. Пандемия сделала видимым фактом реальное положение миллионов людей в считавшихся процветающими экономиках ведущих стран мира - что говорить о периферии и полупериферии?

Теоретические наследники «больших традиций» доминирующей в международных отношениях социальной мысли остаются пока беспомощными перед этим вызовом. Особенно явственно это проявилось после кризиса 2008-09, когда «средний класс» предстал в неприглядном виде живущего в кредит социального слоя. Глобальный мир в «ручном оперативном управлении» погруженных в сумрак центров влияния и принятия решений выглядит все более опасным местом.

Социальная структура и социальные институты уже длительное время находятся в кризисе и слабо соотносятся с процессами реальной хозяйственной жизни многих, даже развитых, стран. Образование, медицина, индустрии культурного воспроизводства, досуга и развлечений оказались в непростом положении. Именно по ним ударила пандемическая изоляция, многие задействованные в этих сферах люди ощутили свою «ненужность» и сомнительность своего будущего в мире «удаленных» социальных связей, формируемых искусственным интеллектом. Десятки миллионов людей, занятых в этих сферах оказались вырванными из привычного образа жизни и переживают экзистенциаль-

ный кризис - оказывая при этом не вполне явное влияние на умонастроения масс.

Власти большинства стран находятся перед реальной перспективой необходимости отказа от поддержки социальных институтов в пользу спасения экономики, что чревато появлением «лишних» категорий образованных людей. В постпандемическом мире, который уже видится по аналогии с миром периода «Великой депрессии» США и «Индустриализации» СССР начала XX века, многие для простого выживания будут принуждаемы заниматься тем, что будет давать реальный экономический эффект здесь и сейчас - строительством инфраструктуры, реиндустриализацией, общественными работами. Но это люди, воспроизводящие культурные образцы, идеологические образы, символическую структуру реальности. Вынужденные менять класс каюты на пароходе современности, в качестве реакции на собственное меняющееся положение, представители этих многочисленных групп будут порождать альтернативные доминирующим образы реальности, формулировать мотивы и искать новые инструменты влияния. Вероятно, современный мир стоит перед ближайшей перспективой еще более глубокого социального и культурного кризиса с неизбежными политическими и идеологическими последствиями.

3. Проблема движения по «красным линиям».

Пандемия проявила, что характер угроз достигает такого уровня, когда необходимы адекватные механизмы совместного международного оперативного действия по управлению ними. Пандемия показала неприемлемость обычных по прежним меркам задержек с информацией, неприемлемость времени принятия политических решений в вы-

строенных на основе идеологических предрассудков бюрократических механизмов отдельных стран, неприемлемость скорости и масштабов мобилизации населения по практическому реагированию. Раздаются голоса о необходимости создания новых наднациональных чрезвычайных структур реагирования на глобальные угрозы. Одновременно возникают опасения о том, что эти новые структуры будут сами создавать эти угрозы – либо же уже это сделали.

В отсутствии концептуального видения переживаемых трансформаций, рациональной картины происходящего, невозможен и стратегический прогноз на национальном уровне. В таких условиях решения принимаются на основании не всегда рациональных факторов, невозможно установить приоритетность целей и иерархичность задач. Политическая конъюнктура и информационные манипуляции подталкивают действующих политиков к немедленным ситуативным шагам. Там, где нет прогноза, невозможна и политика – целенаправленная деятельность по изменению имеющихся отношений в обществе. Сформировалась эмпирическая установка, когда правящие группы стремятся выждать и «подсмотреть» у кого-то наиболее эффективный сценарий действий. Пандемия проявила этот горизонт: обсуждение «китайского» или «европейского» сценариев реагирования, «белорусского» или «шведского» напоминает гадание на кофейной гуще пожарников на пожаре.

При этом все крупнейшие страны мира втянуты в ситуацию выбора дальнейших вариантов реглобализации - встраивания в те или иные новые геоэкономические макро-регионы, или же выстраивания подобных регионов вокруг себя. Однако вызванное пандемией политическое «огораживание» представляет для этого труднопреодо-

лимое препятствие даже в традиционно объединённых макрорегионах, не говоря уже о регионах с развернутыми конфликтами. Вопрос преодоления возникших за последние десятилетия многочисленных «красных линий» представляется главным политическим препятствием дальнейшего развития постпандемического мира.

Чтобы «красные линии» изменили свой цвет, необходимо для начала выработать новое видение общемирового будущего, новые образы как настоящего, так и прошлого. Нужно понять, как же в реальности (а не идеологических описаниях) работала система прежней глобальности, какие в ней были ключевые противоречия, которые привели к нынешнему кризису институциональности. Увидеть этот кризис как необходимый, а не случайный, заложенный в самой системе мироустройства, а не вызванный внешним обстоятельством – например, вирусом или злой волей каких-то отдельных людей.

Вызов пандемии создал повестку выработки согласованных действий в международных масштабах, но вместо этого происходит нарастающая хаотизация. Мир нуждается в быстром формировании сбалансированной системы отношений между ведущими государствами как основы дальнейшего нового упорядочивания межстрановых отношений на всех уровнях исходя из новой повестки.

Эффективные государства невозможно построить в социально и духовно разбалансированных обществах, состоящих из деклассированных невротиков. Уровень концентрации реальной власти в эпоху поздней глобализации возрос и вышел за рамки публичной сферы, что лишило реального смысла эту сферу, породило волну популизма и рост праворадикальных установок в обществах.

Отчужденные от процесса влияния на собственную среду жизнеобеспечения люди ощутили собственную незащищенность и неопределенность жизненных перспектив в существующем мире как крайнюю несправедливость в отношении к себе со стороны своих государств.

Уровень легитимности политических элит в таких условиях резко снижается - обозначился кризис морально-нравственных их оснований. В таких условиях отсутствие рациональной, понятной, согласованной и хотя бы относительно справедливой конкурентной системы мировой политики и экономики будет лишь углублять хаос, в таком мире смогут процветать лишь сетевые структуры с радикальными архаическими идеологиями, опирающиеся на интересы разнообразных транснациональных структур, противостоящих государствам.

Чтобы новые межгосударственные отношения стали развиваться, необходимо изменить способы восприятия собственных интересов и интересов других стран в направлении большего уровня самореферентности, глубины и характера рефлексии взглядов всех участников международной жизни на самих себя и на текущие отношения исходя из этого. Иными словами необходим новый уровень понимания общей ситуации и учет того, как именно партнеры понимают самих себя, в чем они усматривают угрозы собственным интересам и безопасности. Представления о универсальных константах в этой области, характерные для уходящего в историю неолиберального позднего глобализма, должны быть пересмотрены.

Интересы от второстепенных, чтобы избежать как ненужных рисков в отношениях с другими странами. Необходимо реалистичное понимание пределов собственных возможностей, учет не желаемого, а реального соотношения сил и интересов в регионах, где сталкиваются интересы конкретных государств. Более чем актуальной задачей становится поддержание равновесия между целями и средствами, приведение амбиций в соответствие с имеющимися ресурсами и возможностями. Необходимо понимание государственных интересов других стран так, как их определяют сами эти страны и учет того, в чем именно они усматривают угрозу этим интересам. Иными словами необходим более высокий уровень чувствительности к субъективной стороне отношений между государствами, учитывающий внутренние, присущие самим отдельным обществам, способы понимания происходящего. Без этого диалог будет пульсировать между суверенизацией и универсализацией как взаимоисключающими перспективами. Биополитический подход, исключая социальное как самобытную реальность в сознании его сторонников, ограничен этой самой социальной реальностью, будучи разновидностью техноутопии. Нового уровня чувствительности невозможно достичь без нового диалога, осознанно выходящего за границы существующих «красных линий» которые форматировали массовое сознание и медиа-машины в последние десятилетия. Такой диалог, в свою очередь, возможен в формате обсуждения горизонтов мироустройства исходя из концептуально нового видения будущего.

Выводы

~

Современность требует от всех стран умения отделять жизненно важные ин-